

Российские особенности мирового кризиса

Юрий Лужков
Мэр Москвы

НА НАШИХ ГЛАЗАХ
РАЗВОРАЧИВАЕТСЯ, ЕСЛИ
ИСПОЛЬЗОВАТЬ ВНОВЬ
ВОСТРЕБОВАННУЮ
МАРКСИСТСКУЮ
ТЕРМИНОЛОГИЮ, НОВЫЙ
СИСТЕМНЫЙ КРИЗИС
КАПИТАЛИЗМА КАК
ОБЩЕСТВЕННОЙ ФОРМАЦИИ.



*Юрий Лужков:
Только опираясь на государство,
Россия сможет выйти из
передраг мирового кризиса.*

Это, по сути, крах той модели глобализации, которая на протяжении последней пары десятилетий характеризовала современную нам «высшую стадию» развития американско-центричной системы финансового капитализма с ее монополистически-однополярными замашками.

Начиная с 70-х годов прошлого американская экономика, а с ней и глобальный капитализм стали сначала медленно, но верно, а затем уже быстро и неизбежно обнаруживать преимущественно финансово-спекулятивный характер. Положение доллара как умело навязанной мировому сообществу мировой резервной валюты и возможность манипуляций с монополией на его эмиссию не могли не привести Соединенные Штаты к неодолимому искушению воспользоваться выгодами раскрутки финансового капитализма для целей мирового господства.

Идеологической базой спекулятивного капитализма стали экономические теории монетаризма.

Что такое монетаризм на практике, да еще и с российским «привкусом», мы в короткие сроки познали в исчерпывающей мере. С начала девяностых у нас происходили плановый обвал экономики, грабительская приватизация и выведение в политико-экономическом инкубаторе целой плеяды так называемых олигархов, а по сути — глобальных финансовых спекулянтов. Россия системно ослаблялась с тем, чтобы в видимой перспективе стать всего только сырьевым придатком Запада, малонаселенным и слабо развитым во всех смыслах государством.



Потребовались гигантские усилия, чтобы начать процесс оздоровления власти, экономики, да и нравственного климата общества.

В последнее десятилетие мир жил при совершенно новой «генно-модифицированной» форме капитализма — виртуальной экономике финансовых пузырей и их постоянного воспроизводства в интересах глобальной финансовой олигархии. Подобное перерождение капитализма привело к новому, доселе невиданному типу его кризиса.

Мировой капитализм и раньше переживал циклические кризисы. Суть этих кризисов была связана с перепроизводством в странах капитала, нехваткой денег у населения и нежеланием капиталистов терять прибыли, то есть снижать цены. Это длилось довольно долго, до наступления новой эры развития капитализма — формирования транснациональных корпораций. Капитализм стал уходить от внешних признаков кризиса, во имя прибылей переноса производства и сбавивая излишки товара в слаборазвитые страны. Сегодня перепроизводство товара без снижения цен и прибылей регулируется поставками в Африку, гуманитарной помощью, производством биотоплива из зерна, излишки которого раньше, в классические кризисы перепроизводства, нужно было сжигать или выбрасывать в море.

Дело дошло до предельных уровней освобождения государств от промышленного производства. Так, в ВВП США доля промышленности составляет ничтожные 11%. Но общество не может оставаться бездеятельным, и на смену рабочему классу в этих странах пришли ученые (что очень неплохо), банковские работники, страховые агенты, биржевые маклеры, то есть те, кто в основном оперировал в финансовой сфере. США настроились играть в деньги.

Этот сдвиг был результатом преобразования капитализма, формирования новой его фазы. «Вчера» работала формула капитализма «деньги — товар — деньги», и капиталист, чтобы получить большие деньги, производил товар, стремился получить большую прибыль и действовал в первую очередь,

совершенствуя товарное производство. Эта формула справедлива и сегодня. Сколько бы ни говорил Китай о социализме, в его стремлении к получению доходов лежит товарное производство, его он собирает со всего мира и успешно конкурирует с другими странами.

А вот Штаты живут уже по другой модели: «деньги — ценные бумаги — деньги». Америка перестала делать товары и перешла на производство денег. То есть, поработав после Второй мировой войны над укреплением доверия к доллару как мировой твердой валюте, Америка решила, что можно долго и успешно жить, покупая за свои доллары (предварительно оторвав доллар от золотого эквивалента) товары во всем мире. Это было так приятно, что легко привело к потере чувства меры. Результат 2008 года — это только начало.

Почему кризис прорвался в Россию?

Причины нынешних проявлений кризиса в так называемом передовом капиталистическом мире и в России разные. На Западе они носят фундаментальный характер и связаны с крушением той порочной модели развития, на которую эти страны делали ставку многие десятилетия.

В России ситуация выглядит совершенно иначе. У нас нет кризиса государства и государственной политики. Россия в основном завершила цикл восстановительного роста экономики после провала конца 1980-х и 1990-х годов и к моменту начала мирового кризиса вышла в точку перехода к стратегии модернизации. Под решение этих задач была определена долгосрочная стратегия действий и сформированы бюджетные возможности и национальные фонды развития.

В этом смысле фактор мирового кризиса ничего принципиально не меняет в той системе базовых целей и задач социально-экономического развития, которые стояли перед нами. Может (и даже должен) произойти только ускоренный переход к их реализации. Влияние мирового кризиса сегодня более четко обозначает ключевые болевые точки и перекосы в отраслевой структуре экономики, в инфраструктурной модернизации, в территориальном планировании развития, в финансовой системе, на рынке труда, в миграционной политике и ряде других моментов.

Однако несмотря на то, что фундаментальных внутренних причин для кризиса в России не было, тем не менее его приход извне, влияние всей этой глобальной свистопляски на нас оказывается сегодня существенным и весьма болезненным.

Есть две принципиальные причины и соответственно два действующих фактора, от которых в период кризиса нам необходимо избавиться в первую очередь и безвозвратно. Это, во-первых, монетаризм и принципы его экономической политики, которые идеологически всегда были связаны с финансовым капитализмом и нанесли серьезный вред развитию России.

А во-вторых, низкое социальное качество бизнеса и соответственно «бизнес-элиты» (об элитности в данном случае можно говорить только в

кавычках), ее слабая ориентированность на задачи национального развития, слабая ответственность перед государством и обществом.

Банкротство монетаризма

Именно монетаризм является главной причиной того, что мы наблюдаем высокую инфляцию, рост импортозависимости, низкую скорость модернизации инфраструктуры и производственных мощностей экономики. Вместо модернизации производственной экономики, как это успешно делает Китай, мы по самые уши вляпались в глобальный финансовый спекулятизм. Потом оплачивали свое участие в нем национальными резервами, инвестировавшимися на Западе и оторванными от жаждущей денег национальной экономики. Наши же резервы фактически возвращались к нам в упаковке глобального капитала и превращались в неподъемные долги. С такой политикой надо немедленно заканчивать, поскольку в следующий раз, чтобы избежать катастрофы, может не хватить ни времени, ни денег.

Сколько бы ни пытались монетаристы-финансисты читать нам талмудические лекции, но главной причиной высокой инфляции у нас были и остаются недостаток денег в экономике, финансовый голод национального производителя, инфляция издержек, а не спроса. При огромных доходах государства субъекты экономики многие годы находились и продолжают находиться в условиях острейшего денежного дефицита.

Усиливавшаяся в течение многих лет зависимость от импорта является сегодня не просто опасно высокой, но в условиях кризиса катастрофической. Потому что невозможно, например, представить даже в условиях кризиса сокращение спроса на те же лекарства, а 90% лекарств у нас — это импорт, причем не всегда высокого качества. При снижении курса рубля импорт дорожает, и это значит, что наши пенсионеры оказываются в чудовищной зависимости от роста цен на необходимые им каждый день лекарства. Чуть более подвижна ситуация с продовольствием, но и здесь зависимость от импорта запредельна. Соответственно мы опять получаем инфляцию, рост потребительских цен.

В результате у наших монетаристов получается, что приток капитала приводит к инфляции и отток — тоже к инфляции. Что сильный рубль — инфляционная угроза, что слабый — та же история. Что много, что мало денег — все получается одно и то же. Как ни собирай, все пулемет получается.

Пусти спекулянта в огород...

Вот и сейчас, уже в условиях кризиса, величина ставки рефинансирования ЦБ России была поднята до 13%, что привело к кредитному параличу реальной экономики, усилило падение спроса по производственным цепочкам и, соответственно, производства как такового. Сопутствующие этому доктринерские заявления монетаристов о том, что без этой ставки нам не совладать с оттоком капитала и атаками на рубль, вызывают лишь недоумение. Потому что если кому и выгодна нынешняя ситуация, если она кого и

стимулирует, то только финансовых спекулянтов. Вновь настало их время. Сейчас прибылен и работает только этот бизнес.

При проводимой растянутой девальвации эффективными являются именно валютные спекуляции на курсе. Брать кредиты по нынешним ставкам выгодно только для этой цели. В этих условиях банкам неинтересно кредитовать экономику, поскольку все силы и деньги брошены на покупку долларов и ожидание, когда за доллар можно получить больше рублей. Чтобы кредитная ставка была реально запретительной для спекулянтов, она должна составлять не менее 40%. Только при таком проценте банки хоть на минуту будут способны отвлечься от валютных игр и обратят свои взоры на реальную экономику. Хоть на минутку согласится отвлечься и банк. Но абсолютно ясно, что не кредитной ставкой можно и нужно бороться со спекулянтами.

Нынешней кредитной ставкой ЦБ и спекуляции никак не пресекает, и производство гнобит. Потому что даже если сейчас какой-то производитель вдруг, поджавшись и заложившись на полную катушку, сможет взять кредит процентов эдак пусть даже под 20%, то он получит лишь временную передышку, поскольку в стране практически нет производств и технологий, которые позволили бы ему вернуть такой бешеный кредит, да еще плюс 18% НДС.

Если же монетарные власти, как они сейчас заявляют, уже завершили плавную девальвацию, то тогда зачем продолжать держать высокую ставку кредита? Если рисков валютного рынка уже нет, самое время ее резко снизить. А если держать ставку, то кто же поверит, что девальвация завершена?

Производству нужно дать дышать. Не может реальная экономика долго плыть под водой нынешнего кризиса без кредитного воздуха. Призывы «подождите, рано или поздно снизим» не прибавляют оптимизма. Время решает все, а оно на исходе. Если и дальше тянуть, то весь реальный сектор просто всплывет брюхом кверху. Зачем ему, мертвому, будет потом эта низкая ставка?

Почему вредно примитивное накопительство Стабфонда?

Сегодня у монетаристов стало очень популярно на каждом углу повторять, что они мудры как никогда и вообще они всегда правы, потому как скопили же Стабфонд, резервы на случай кризиса, которые теперь, глядь, да игодились.

Спору нет, формирование подушки безопасности — необходимая задача. Но в определенный момент накопительство и припрятывание заначки превратились в самоцель и перешли рамки разумной политики. То есть нужно, конечно, было сформировать резерв на черный день. Но в определенный момент нужно было и остановиться, направив средства, превышающие адекватный уровень Стабфонда, в экономику и на ее развитие, на расшивку инфраструктурного отставания и утоление голода на

*Выкинуть сегодня людей
с опытом, квалификацией
и мозгами на улицу, пусть и дав им
высокие пособия по безработице,
и ждать, когда кончится кризис, —
это путь в никуда*

инвестиции, который испытывает наша экономика.

За последние десятилетия у нас не было реализовано ни одного государственного проекта национального масштаба по развитию инфраструктуры. Не появилось принципиально новых заводов и крупных промышленных производств, новых ГЭС, кораблей, самолетов. Все это происходило потому, что Минфин всегда считал вкладывание в производство закапыванием денег. Но хозяйственная инфраструктура — это тоже товар. Дороги или энергетика, не говоря уже о новых производственных мощностях, это важнейшие инструменты реальной экономики, увеличивающие количество национальных товаров и скорость оборота товаров, а не денег.

Критерий эффективности политики «стерилизации денежной массы» и накопления Стабфонда прост и требует ответа на два вопроса.

Вопрос первый: способны ли резервы в момент кризиса решить все проблемы, можно ли залить ими все «пожарные вопросы»? Мы видим, что ответ сегодня отрицательный. Резервы, сколько бы их ни было, не бездонная бочка, а самой экономике запаса прочности не хватает. У экономики крайне ослаблен собственный внутренний иммунитет к кризису. Иммунодефицит же возник из-за того, что экономику «плохо кормили» деньгами и инвестициями в мирное время.

Вопрос второй: если реальным выходом из кризиса является модернизация экономики, а не ожидание, что нефть «отрастет» в цене и все у нас вернется на круги своя, то есть к тому, как жили раньше, то в чем смысл чрезмерных резервов? Подобная идея «переждать» была бы логична, если бы докризисная модель экономики нас полностью устраивала и ничего кроме возвращения к ней нам и не было бы нужно. Тогда идея припрятывания всего в кубышку могла бы быть оправданной. Но наш случай не тот. Наоборот, нам нужен выход на новый качественный уровень в развитии страны. Нам необходимо отрываться от копирования монетаристской модели США и наполнять отечественную экономику реально растущим и национально ориентированным производством, приносящим не только доход в казну, но и наполняющим сознание народа гордостью за свое государство. Однако получается, что мы до кризиса не давали деньги на «опережающую модернизацию», чтобы скопить резервы, а во время кризиса резервы не успевают работать как модернизационный ресурс или их на это просто не хватает.

Как любой скупой, мы заплатили дважды: сначала сэкономили на инвестициях в развитие, а потом все равно вынуждены спустить сбереженные средства на текучку и затыкание дыр.

Кадры решают все

Проблема с монетаризмом еще и в том, что он вольно или невольно, но чуть не привел Россию к воплощению самых смелых мечтаний глобальной финансовой олигархии о приватизации ресурсов России. Причем в этом вопросе почти всегда наблюдалось трогательное единство монетаристов-доктринеров и нашего бизнеса.

При громадных доходах, профиците бюджета и финансовых резервах Россия в последние годы была очень крупным заемщиком на мировых финансовых рынках. Речь не о государстве, которое как раз с долговым наследием прошлого расплачивалось и в основном расплатилось. Речь как раз о российском, а точнее, новорусском бизнесе, корпорациях и банках, которые набрали дутых кредитов и наделали навеселе внешних долгов больше, чем на 500 миллиардов долларов.

Происходило это во многом потому, что расширение внутреннего кредита всячески не допускалось монетарными властями. Но есть и другая важная сторона проблемы — в 1990-е годы люди, не умеющие управлять, получили в результате бездумной, но крайне выгодной для ее архитекторов приватизации почти все, чем обладала страна: нефть, автозаводы, металлургические, химические и алюминиевые предприятия, да и много чего еще. И не смогли обеспечить их нормальную работу. А нормальный традиционный менеджмент, руководители-производственники пусть с советским, но с реальным трудовым опытом развития и финансирования промышленности, был устранен.

Наши либералы и приватизаторы могут, конечно, сколько угодно издеваться над советским прошлым (в основном, правда, прикрывая свою алчность и безграмотность). Могут насмеяться над «красными директорами» и Госпланом, но эти самые директора и этот самый Госплан хотя бы знали, как работает промышленность, что, как и когда нужно делать, в том числе в условиях кризисов. И для этих людей нужды производства и недопустимость остановки промышленности и потери рабочих мест всегда были приоритетом — и экономическим, и моральным.

И вот вместо них в 1990-е годы, в том числе из-за патологического желания тогдашней власти тогдашних реформаторов выслужиться и изобразить прогрессивную «личину» перед Западом, нам выкатили когорту новоявленных «хозяев жизни» без реального производственного опыта, но с уникальными финансовыми аппетитами. Эти «капитаны» экономики ни разу не видели «моря», но готовы были взяться за руль любых финансовых потоков. Они были одеты в респектабельные костюмы, но рабочая спецовка им была чужда. Неумение этих людей заниматься реальной работой даже при очень больших деньгах — вот важнейшая из причин кризиса.

Слишком часто деньги, которые они занимали на Западе, шли вовсе не на развитие и модернизацию производства, а на спекулятивные операции или на покупку непрофильных активов. На игры в яхтсменов, медиамагнатов и футбольных специалистов. А профильные активы, оторванные от государства в ходе приватизации, шли в залог этих игрish.

Это могло бы продолжаться долго, если бы не кризис, который обнажил реальные способности этих магнатов и бизнес-воротил. Все они побежали снова к государству с криками о помощи.

К счастью, в последние годы все больше стали пробивать себе дорогу в большой бизнес молодые люди, выросшие из малого и среднего бизнеса, который выпестовал их в инкубаторах, проверил на небольшом опыте и дал путевку в крупные проекты. Очень хорошо, что таких становится все больше и больше.

Индустриализация и госкапитализм

Внутренние источники средств и резервы, а не внешние займы и ресурсы мировых рынков должны рассматриваться как основной мотор развития экономики на годы вперед. Соответствующая экономическая политика должна проводиться не как антикризисная и временная, а как стабильная и долгосрочная.

Процесс создания новой производственной базы страны и развертывания новых производительных сил требует решающей координационной роли со стороны государства. Ведь сегодня при принятии решений о создании новых производств бизнес, как всегда, ориентируется на краткосрочную, максимум среднесрочную, перспективу возврата инвестиций. Не более того. Между тем только государство может адекватно оценивать комплексные долгосрочные задачи развития экономики, взаимосвязи отраслей, регионов для решения этих задач.

Никогда и нигде модернизация не происходила без решающего участия государства. Никогда и нигде модернизация не происходила как легкая прогулка в постиндустриальный мир. Признаком любой модернизации является опережающий рост промышленности и строительства по отношению к росту ВВП. Если же космическими темпами растут только финансовый сектор, торговля и сфера услуг, да еще и полностью зависимые от импорта, то это не модернизация, а ничем не обоснованное и не заработанное создание банального «общества потребления» и проедание собственного будущего.

Новоявленным хозяевам жизни, которые слишком долго играли в яхтсменов, медиамагнатов и футбольных специалистов, пора подумать об антикризисном меню.

Приоритетными отраслями и секторами для государственной поддержки должны быть в первую очередь те, которые связаны с долгосрочными производственными циклами, высокой реальной инвестиционной потребностью, обладающие не только высокой социальной значимостью, но и стратегическим значением с точки зрения расширенного воспроизводства человеческого капитала и квалифицированных кадров экономики.

Выкинуть сегодня людей с опытом, квалификацией и мозгами на улицу, пусть и дав им высокие пособия по безработице, предложив перебиваться неквалифицированным трудом и ждать, когда кончится кризис, — это путь в никуда. На выходе из кризиса мы тогда получим растрату человеческого капитала. Невозможность быстро вновь собрать квалифицированные кадры на производстве, если закроем заводы и конвейеры, утрату технологий и передачи опыта. Получим, если не поддержим «белых воротничков» и малый бизнес, практически полное исчезновение среднего класса общества, его усыхание до «наноразмеров».

Поддержка реальной экономики в условиях кризиса необходима не только для производства как такового, но и для того, чтобы не допустить рост безработицы, сохранить существующие и создать новые рабочие места. Задача

задач - дать людям работу, стабильную и с достойной оплатой. Тем самым, помимо прочего, обеспечить со-

хранение налоговой базы, а также сохранение платежеспособного спроса для отечественного производства. Именно благодаря расширению внутреннего спроса наша экономика получит возможность реализовать задачи импортозамещения.

С учетом этих задач, необходимо дальше углублять, в том числе на региональном уровне управления, те подходы, которые уже заложены «списком Путина». Причем дополнительно нужно оказать усиленную поддержку малому и среднему бизнесу, то есть тому «гумусному слою» экономики, который способен быстро и эффективно решать вопросы создания новых рабочих мест, импортозамещения, а также инновационной и сервисной поддержки крупных производств.

Шаг назад — два шага вперед

То, что российское государство сегодня фактически спасает от ухода на Запад за долги стратегические активы национальной экономики, конечно, правильно. Иного выхода нет и не может быть. Но нужно извлечь очевидные уроки из случившегося.

И нынешние, и перспективные меры государственной финансовой поддержки, несомненно, должны быть выборочными, отделяющими всякого рода пузыри и спекулянтов от здоровой части экономики. Антимонопольная политика и политика управления госзаказом — особенно в период выхода из кризиса — также должны исходить из этого, а не из абстрактных соображений блага для всех и вся.

Необходимо и разумное самоограничение государства в нормативном регулировании инвестиционной деятельности. Например, сроки оформления строительной

документации выросли в 4 раза. Человек почти совершает подвиг с бешеными усилиями и в угнетающей атмосфере, начав оформлять разрешительную документацию

на строительство. Оформление бумаг занимает в разы больше времени, чем процесс строительства как таковой. Образно говоря, возведение дома в реальности — это мгновение по сравнению с «вечностью» строительства «дома на бумаге», согласования всей документации и разрешений.

Аналогичная ситуация складывается и в других отраслях, в производстве товаров. Но сейчас у нас из-за кризиса и так не очень много частных инвесторов и желающих вкладывать в реальное производство, чтобы терять эти возможности, терять время и деньги. Необходимо разобрать наиболее очевидные бумажные завалы на пути бизнеса, снизить все те барьеры и упростить все те процедуры, которые никак не обеспечивают реальное экономическое развитие, не помогают реальному производству товара, его качеству и безопасности, а лишь тормозят экономический рост.

Государству необходимо национализировать не убытки, давая обанкротившимся собственникам и управленцам деньги на покрытие долгов, но национализировать - хотя бы временно, для наведения порядка – сами бизнесы, предприятия и корпорации. Правильным был бы и прямой выкуп государством оставшихся обязательств бизнеса перед Западом, и последующее вхождение государства в капитал, и управление этими бизнесами.

Приобретение государством реальных производств, энергетики, земли, конечно, временная мера, после которой последует цикл денационализации. Цель национализации - сохранить суверенитет страны в сфере важнейших производств и отраслей, поставить на ноги производство и обеспечить трудозанятость, налоговую базу бюджета и насыщение реального сектора экономики своей продукцией. Вложить средства в науку и модернизацию.

Национализацию справедливо проводить по кризисным, «обвальным», а не рыночным ценам. А вот после всех решений по стабилизации и начала этапа развития можно осуществить процесс приватизации уже по реальным рыночным ценам в пользу реальных эффективных собственников. С опорой на тот бизнес, на тех предпринимателей (а они, конечно, есть!), которые реальным делом и реальным производством доказали свою способность эффективно управлять.

Там же, где национализация не нужна, следует оговаривать поддержку государства или безусловными ограничениями в хозяйственных правах, или сменой собственника.

Еще недавно популярны были наукообразные построения об отмирании роли государства в мире глобализации, выкидывании на свалку истории государственного суверенитета и тому подобное. Для глобализации финансовых спекуляций государство и регулирование действительно были помехой.

Нынешний кризис окончательно снимает все вопросы по поводу того, что в современном мире роль государства и национального суверенитета, напротив, возрастает. Кризис возвращает ценность государству и как ключевому субъекту экономики делает главным в развитии капитализма вопрос о соотношении свободного рынка и регулирования, государства и рыночных агентов.

Необходимым для России сегодня в качестве вынужденной временной меры является модернизационный государственный капитализм, то есть такой капитализм, который обеспечивает стратегическое планирование национального развития. И одновременно построен на принципах накопления социальной справедливости в рамках рыночной экономики и приумножения социального, человеческого капитала.

Только опираясь на эти принципы, только опираясь на государство, Россия сможет выйти из передрыг мирового финансового кризиса быстрее и эффективнее с собственным потенциалом дальнейшего роста, чем остальной мир.